

ОПАСНОЕ СОСЕДСТВО

ФИНЛЯНДИЯ КАК ЗЕРКАЛО ГЛОБАЛЬНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

О проблемах, связанных с Финляндией — современных и исторических — беседуют доктор политических наук, профессор кафедры европейских исследований СПбГУ Наталья ЕРЁМИНА и директор Института современного государственного развития, член Общественной палаты Санкт-Петербурга и автор недавно вышедшего фильма "Фашизм по-фински" Дмитрий СОЛОННИКОВ.

Наталья ЕРЁМИНА. Дмитрий Владимирович, сегодня возникает закономерный вопрос: всегда ли Финляндия приживалась линии конфронтации с Россией, просто иногда это было выражено в более мягкой форме, или нет?

Дмитрий СОЛОННИКОВ. Мне кажется, ситуация гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Если мы обратимся, например, к периоду правления Никиты Сергеевича Хрущёва, станет очевидно: именно тогда Советский Союз начал сознательно отказываться от ключевых точек геополитического влияния: мы ушли с базы Ханко, из Порт-Артура, сдали целый ряд стратегических объектов, которые обеспечивали глобальное присутствие и военное доминирование. Это касалось не только Финляндии — речь шла о масштабном демонтаже внешнеполитической архитектуры, созданной при Иосифе Виссарионовиче Сталине.

Отказавшись от влияния на Дальнем Востоке, Хрущёв последовательно сворачивал и западное направление. В дальнейшем, при Леониде Ильиче Брежнев, началась попытка восстановить утерянные позиции. Появились советские военные базы во Вьетнаме, на Кубе, в Сирии. Возвращалась сама идея СССР как сверхдержавы, претендующей на глобальное влияние. Но всё это стало возможным только после разрушительного, идеалистически-авантюрного курса Хрущёва.

Надо признать: у Хрущёва была своя логика. Он считал, что если у нас есть ядерное оружие, способное достигать любой точки планеты, то нет смысла тратить колоссальные ресурсы на поддержание флотилии и зарубежных баз — особенно в условиях, когда в сельской России люди ездят на лошадах, а миллионы живут без электричества и элементарных удобств. Возможно, в этом был свой рациональный смысл. Но факт остаётся фактом: влияние СССР тогда значительно ослабло.

1990-е же годы — период ещё более масштабной геополитической капитуляции. Постсоветская Россия стремилась стать частью Запада — вступить в НАТО и в Европейский союз. Даже в первые годы президентства Владимира Владимировича Путина звучали такие идеи.

Так что же мы теперь можем предвдвять Финляндии? Мы сами тогда были абсолютно такими же. После распада Советского Союза мы первыми отказались от собственной истории и идентичности. Мы буквально вытирали ноги о своё коммунистическое прошлое. Делали это громко и демонстративно. Тогда это казалось нормой, даже политической добродетелью. Сегодня подобная риторика возвращается, но в 1990-е она была повседневной реальностью.

Парадоксально, но в Финляндии это время к советскому наследию относились гораздо уважительнее. Там Ленин воспринимается как основатель государственности. Его памятники не только сохранялись, но и вызывали уважение. Наименования улиц, музеи — всё это поддерживалось. А у нас тогда Ленина называли преступником, стремились вычеркнуть его из памяти. И вот в этом диссонансе мы и потеряли Финляндию. Это был не их выбор — это был наш отказ от самих себя.

Кто в то время формировал внешнюю политику? Андрей Козырев. Сейчас он живёт в США — что вполне символично. Мы не просто утратили влияние — мы сдали его добровольно, без боя.

Если вернуться к советскому периоду: тогда казалось, что ситуация находится под контролем. Мы активно интегрировали финскую политическую элиту — президентов, министров и высших чиновников — в орбиту советских спецслужб. Известно, что многие из них имели прямые или опосредованные связи с КГБ.

Это создавало ощущение надёжности: если элита "на крючке", то в стране всё будет стабильно и предсказуемо. Но это оказалось глубочайшим самообманом. Мы работали только с верхушкой, полностью игнорируя общество. Не было системной работы с финскими СМИ, университетами, общественными организациями. Мы полагали, что договорённости с элитой гарантируют нам всё остальное. Точно такая же ошибка была совершена и на Украине.

Вспомните: накануне первого Майдана наш посол Виктор Степанович Черномырдин в телевизоре с полной серьёзностью утверждал, что главная проблема — это высокие пошлины на украинские конфеты, имея в виду бизнес Порошенко. Решим вопрос с пошлинами — и всё наладится. Мы не видели, что под поверхность растёт совершенно другая политическая культура. Мы не замечали, как радикальная националистическая идеология снова набирает силу, как в школах молодёжи преподносят абсолютно иные версии истории. Мы не хотели этого видеть, потому что сосредоточились исключительно на переговорах с элитами.

С Тимошенко договорились по газу — и решили, что всё под контролем. А тем временем украинское общество стремительно менялось.

С Финляндией — тот же сценарий. Мы исходили из того, что если президент или премьер — "наш человек", то и страна будет управляемой. Мы не занимались ни информационным, ни культурным, ни образовательным влиянием, а когда политический ландшафт в Финляндии начал меняться, было уже слишком поздно.

Сегодня мы видим, что даже традиционные партии — социал-демократы, консерваторы — всё чаще звучат так же, как праворадикалы. Партия "Истинные финны", изначально открыто националистическая, теперь почти не отличается по риторике от старых парламентских игроков. И это уже не про маргиналов — это про глобальный сдвиг в общественном настроении.

Таков результат отсутствия долгосрочной, системной, многослойной внешней политики. Это ошибка, которую мы допустили в прошлом и продолжаем допускать сегодня.

Наталья ЕРЁМИНА. Да, они высказываются практически одинаково. И в итоге объединились на почве антироссийской, а в ряде случаев русофобской, риторики.

Дмитрий СОЛОННИКОВ. Мы не наблюдаем появление новых политических сил, выросших из маргинального или, скажем, неофашистского подполья, ведь вся политическая элита была реформативирована.

Наталья ЕРЁМИНА. К сожалению, в общественной дискуссии обсуждаются в основном вопросы, связанные с обороной и безопасностью, например, допускается ли транзит ядерного оружия через территорию Финляндии или

нет, а вот в отношении антироссийских инициатив — полный консенсус.

Законы, направленные на ограничение прав российских граждан, принимаются без особых разногласий: речь идёт и об ограничениях на сделки с недвижимостью, о возможной конфискации собственности.

Закрываются пограничные переходы, ограничивается доступ в страну.

России предъявляют обвинения в так называемой "гибридной миграции" — будто бы мы направляем на их территорию потоки мигрантов с целью дестабилизации, хотя Финляндия и до этих обвинений принимала беженцев, в том числе с Украины, по всей видимости, гораздо более активно.

Дмитрий СОЛОННИКОВ. Фактически — всех мигрантов, в рамках квот Евросоюза.

Я ещё до закрытия границы был в Турку — это не Хельсинки, но крупный, по-европейски благоустроенный город, где уже тогда на улицах было очень заметно этническое разнообразие: выходцы из Африки, Ближнего Востока, Азии. Мы ничего не имеем против, но внешне это были явно не финны, не шведы, не представители североευропейской культуры. Это следствие миграционной политики ЕС.

Наталья ЕРЁМИНА. В этом контексте удивительно, насколько быстро финны — нация с репутацией независимой и свободолюбивой — отказались от идеи собственного суверенитета.

Они могли бы сохранить статус моста между Востоком и Западом, но сознательно разрушили эту возможность.

Сегодня у них — пятнадцать баз США и НАТО, при этом, насколько мы понимаем, доступ к этим объектам у финской стороны отсутствует. Военные объекты были переданы фактически без условий.

Американская сторона может перевозить туда и оттуда любые материалы — включая, возможно, и плутониевое оружие, — не ставя Хельсинки в известность.

Дмитрий СОЛОННИКОВ. Это вполне объяснимо с исторической точки зрения. У Финляндии, по сути, нет опыта полной и устойчивой государственности. Они всегда существовали в орбите более могущественных держав.

Так было при Российской империи, так было при Советском Союзе — да, они сохраняли парламент, политическую активность, но при этом зависели от центра.

Сегодня они просто сделали выбор в пользу нового внешнего патрона, рассчитывая, что он обеспечит им безопасность и экономическую поддержку.

Самостоятельность — в политическом смысле — у них, похоже, не в приоритете. Финская история — это череда попыток встроиться в системы более сильных игроков: Швеции, России, Германии, Великобритании, сейчас — США.

Они не столько выбирают путь развития, сколько решают, под чьим покровительством им будет комфортно.

Мы, в каком-то смысле, проиграли войну за Финляндию. Вспомним: в 1920-х годах существовала Финская социалистическая республика с правительством в Териоки, которую мы поддерживали. С другой стороны — Белая Финляндия, которую активно поддерживали немцы: они перебрались из Эстонии, из Ревеля, вошли в Финский залив на судах и высадили войска. Попытка социалистической революции в Финляндии тогда была вполне серьёзной. Конечно, история не имеет сослагательного наклонения, но существует теория мультиверса, где реализуются все возможные варианты. Может быть, в какой-то другой параллельной вселенной социалистическая революция в Финляндии победила, и страна стала полноценным социалистическим государством. Тогда и вопрос о "противостоянии" с Россией, скорее всего, не возник бы — всё вернулось бы в тот же проект единой империи. Такой вариант был возможен, но мы его не реализовали.

Наталья ЕРЁМИНА. Они пострадали за свои коммунистические убеждения во время войны.

Дмитрий СОЛОННИКОВ. Фашизм в Финляндии начался с приходом немцев: они начали проводить там свою политику, выступая как белая нация по отношению к финнам, которых считали дикими аборигенами. Эту же идеологию продолжал и Маннергейм. Он создавал шошкоры — буржуазные отряды, борющиеся с рабочими. И если посмотреть на процентное соотношение, то количество людей, попавших в концлагеря и тюрьмы в Финляндии, было чудовищным.

Причём в разы выше, чем масштаб репрессий в Советском Союзе. В межвоенный период в Финляндии были арестованы и погибли тысячи её граждан — социал-демократов, коммунистов и активистов рабочего движения.

И вот эта Финляндия — проиграла, но, может быть, когда-нибудь она ещё сможет выиграть.

Наталья ЕРЁМИНА. А может быть, вопрос взаимодействия с Россией всегда был ключевым, ведь, если значительная часть финнов действительно пострадала за свои симпатии к левым идеям, это значит, что финское гражданское общество изначально было политически неоднородным. Как и сейчас, кстати. Мы видим это на примере Украины, на примере Молдовы — где большой процент граждан выступает за сохранение связей с Россией.

И именно там идёт наступление тоталитаризма и национализма — людям буквально запрещают деловые и культурные контакты с Россией. И Финляндия, скорее всего, не сможет преодолеть этот внутренний конфликт.

Дмитрий СОЛОННИКОВ. Вот сейчас мы подошли к самому главному. Да, на самом деле Финляндия — это пример глобального противостояния.

Наталья ЕРЁМИНА. Так же, как и Украина.

Дмитрий СОЛОННИКОВ. Да, всё вокруг нас. И в Азиатско-Тихоокеанском регионе в том числе. Вопрос — какой проект победит? Для Запада сегодня актуален проект уничтожения России. Это никто в Европарламенте и не скрывает: "Россия в её нынешнем виде должна быть ликвидирована". Они это называют "деколонизацией России" — разделение на множество малых государств, передача ядерного оружия под контроль НАТО, национализация российских госкомпаний в пользу западных корпораций.

Это проект, который Запад активно насаждает. Либо этот проект победит и будет реализован, либо он не победит — и тогда весь мир пойдёт по пути многополярности, что приведёт к краху западной монополии.

В этом случае Запад, в том виде, в каком мы его знаем, перестанет существовать. У него не останется ни экономической базы, ни колынальной

Современная финская армия

опоры для процветания. Начнётся распад Запада. Таким образом, либо они, либо мы.

Наталья ЕРЁМИНА. Удивительные вещи происходят. Недавно была на Невском форуме, здесь, в Петербурге. На одном из заседаний в Марининском дворце ведущий спросил: хотели ли вы помириться с Западом? И предложил проголосовать. Мне показалась странной сама постановка вопроса. Мы ведь с ними не ссорились — это они объявили нам войну. Почему мы должны демонстрировать добрую волю, если инициатива разрыва была не с нашей стороны?

Запад сегодня не готов признавать свои исторические преступления. Исключение, пожалуй, сделали только для BLM (движение "Чёрные жизни важны". — Ред.). А если кто-то напомнит, как Черчилль применял химическое оружие и предлагал использовать его в Африке, — на это полное молчание. Хотя именно он спровоцировал подобные действия и у нас — в годы Гражданской войны и интервенции.

Дмитрий СОЛОННИКОВ. В Архангельской области применяли химическое оружие.

Наталья ЕРЁМИНА. При этом англичане, например, даже не подозревают о многих фактах своей истории. Что пишет в комментариях обычный английский обыватель? "Такого никогда не было. А Черчилль — самый демократичный демократ, и мы все равняемся на него". Они действительно не знают об Англо-бурской войне, о том, что именно британцы первыми создали концентрационные лагеря. Они не связывают эти события с истоками нацизма и расизма. Для них всё это произошло исключительно ради демократии. Это были, по их мнению, допустимые методы воздействия на "неправильные" страны — ради того, чтобы те, наконец, встали на путь демократии и уверовали в светлое будущее человечества. Они искренне считают, что должны учить всех, как надо жить. И в этом смысле ни фашизм, ни нацизм для них не представляют никакой реальной проблемы.

А мы, в отличие от них, понимаем, что это абсолютно неприемлемо и не имеет никакого отношения к демократии. Но они либо не способны это осознать, либо отказываются признать. Средний обыватель просто не хочет воспринимать иную точку зрения: он либо не имеет доступа к информации, либо сознательно отказывается от неё. Он не может переступить через идею собственной исключительности — мол, "я англичанин, значит, уже сам по себе замечательный". Это ощущение собственной "сверхчеловечности" в них культивировали десятилетиями, если не веками. А раз так — значит, они могут нести свою демократию в любую точку мира: с бомбами, с колониализмом, с расизмом. Всё это, по их мнению, делается во благо других. Это же — "бремя белого человека".

И в этой ситуации особенно поражает выбор, который делают, казалось бы, близкие нам народы. Финны, например, знают нашу доброжелательность, наше реальное участие в формировании их государственности. Они прекрасно видят и то, как их используют Запад, но всё равно делают выбор в его пользу: подписываются под очередным русофобским проектом, вступают в НАТО, жертвуя собственным населением, становясь страной прифронтовой зоны. Такое поведение, конечно, требует отдельного психологического исследования.

Остановить происходящее уже невозможно, потому что Запад как система суверенных национальных государств в прежнем виде больше не существует. Национальные элиты формально есть, но реальную силу приобрели транснациональные корпорации, которые всё ещё имеют юридическую привязку к США или Европе, но давно вышли за пределы наций и государств.

Эти структуры рассматривают государства как инструменты, а политиков — как актёров. Управление ведётся сквозь бизнес-цепочки, технологические монополии, финансовые механизмы.

Они пытаются выстроить компромисс с остальным миром на антироссийской основе. Что для этого нужно? Снова поднять тему нацизма — но теперь обвинить в нём уже нас. Это и есть парадокс международной политики: они используют фашистские и нацистские приёмы, но заявляют, что с Россией нужно бороться именно потому, что мы якобы фашисты.

Параллельно утверждается, что мы агрессивны по своей природе, что у нас изначально враждебное отношение ко всем. Это удивительная двойственность. С одной стороны — риторика "деколонизации", с другой — под этим флагом продвигается новая форма колониализма. Потому что их "деколонизация" — это на самом деле перезахват: "освобождённую" территорию тут же колонизируют.

Печатается в сокращении, полный текст — на сайте zavtra.ru

Агрессия в адрес России в последние годы резко усилилась, но нужно понимать: Запад не монолитен. Антироссийская повестка — это не универсальный инструмент. Он не работает одинаково во всех странах.

Ненависть как инструмент всегда оборачивается против тех, кто её использует. И мы это уже видим: те, кто рыл нам яму, сами в неё и падают. Проект остаётся тем же: ослабить, изолировать, а желательно и победить Россию. Расчёт простой: ресурсов хватит ещё на 30-50 лет. А что будет потом — уже неважно. Главное, чтобы этого времени хватило нынешнему поколению западных политиков.

Дмитрий СОЛОННИКОВ. Да, 30-50 лет — это как раз горизонт жизни того политического поколения, которое сейчас у власти на Западе. Они живут идеей удержания текущего положения. А после них — хоть потоп. Тем более что сейчас даже футурология на такие сроки не работает: никто не может всерьёз сказать, каким будет человечество через полвека. Им важно удержаться здесь и сейчас.

Интересный вопрос — насколько быстро можно перестроить массовое сознание. Вот взять Украину: всего за несколько лет там полностью изменили отношение к собственной истории.

У меня есть друзья, которые были в Киеве осенью 2013 года на праздновании освобождения города от фашистской оккупации. Тогда проводился слёт городов-героев, украинское руководство принимало делегацию, дети с красными знамёнами вспоминали Победу. Это была официальная, государственная позиция.

А уже в феврале 2014-го — Майдан, радикальные силы, лозунги УНА-УНСО (запрещённая в РФ экстремистская организация. — Ред.), а Красная Армия стала "оккупантом" буквально за считанные месяцы. Поменяли всё: символику, трактовку, отношение. Это стало рабочей технологией — почему бы не применить её, скажем, в Казахстане? А сейчас, возможно, её уже пытаются применять в Армении. Методология понятна.

Наталья ЕРЁМИНА. Но при этом остаются люди, которые мыслят иначе. Даже в Финляндии. Есть финны, которые выступают против вступления в НАТО, за нейтралитет, за добрососедство с Россией.

Дмитрий СОЛОННИКОВ. Такие настроения есть по всей Европе. Но сейчас они не являются доминирующими. Возьмём, к примеру, Германию: да, там есть "Альтернатива для Германии", но она не может сформировать правительство. В Австрии, Нидерландах — правые партии получают наибольшие фракции, но остаются в оппозиции.

Наталья ЕРЁМИНА. В ряде случаев они приходят к успеху на волне антииммиграционных настроений, а не иной внешнеполитической повестки.

Дмитрий СОЛОННИКОВ. Согласен. Но если говорить о реальных настроениях, то в Европе отношение к России далеко не однородное. Многие это всё уже утомило. Люди говорят: "Хватит. У нас своих проблем хватает. Надо прекращать воевать, надо снимать санкции".

Это не значит, что они нас любят. Но и врагом уже не считают. Мы для них скорее чужие, а они не готовы страдать ради чужих геополитических игр. В разных странах появляются партии и движения, которые иначе смотрят на отношения с Востоком, на санкционную политику, на влияние Брюсселя.

Возьмём Испанию: на последних парламентских выборах правые набрали относительное большинство, но социалисты смогли сформировать правительство, собрав коалицию с малыми фракциями. Такая конфигурация — по всей Европе: старые силы держатся только за счёт союзов и компромиссов. Альтернативные силы растут, но ещё не побеждают.

Наталья ЕРЁМИНА. А в России всё уже перестроилось. Мы, как говорится, закусили удила. Теперь остаётся наблюдать, как дальше будет развиваться европейская повестка. И важно понимать: в отношении России сегодня используются фашистские и нацистские проекты не только посредством Украины, но и через страны Балтии — режимы апартеида в Латвии и Эстонии, запрет русского языка в Молдавии, процессы, которые мы наблюдаем в Финляндии. Всё это — звенья одной цепи.

По сути, это наступление, направленное против России, а потому мы должны всерьёз обратиться к исторической памяти: к тому, что на самом деле значили фашизм и нацизм в XX веке, к опыту межвоенного периода и Великой Отечественной войны. Забывать об этом — недопустимо. Наверное, это главный вывод, который мы можем сделать.